

«ВЕЗДЕ»

Первую написанную совместно статью Петр Вайль и Александр Генис опубликовали в 1976 году в рижской газете «Советская молодежь». Посвящена та статья была творчеству Валерия Попова. Через год рижане Вайль и Генис стали американцами. Первой ласточкой их «второго пришествия» в русскую словесность стала в 1989 году статья в журнале «Звезда»... о том же Валерии Попове. Подобное постоянство — серьезный повод призадуматься тем, кто склонен объяснять редкую популярность и успех Вайля и Гениса в России конъюнктурностью их писаний...

«АМЕРИКАНО» — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО

— ...Итак, вы авторы изданных в Америке семи книг...

Генис. За которые не получили ни цента.

— Вас охотно печатают здесь во всех изданиях...

Вайль. И мы получаем гонорары, но в Америке, как вы догадываетесь, рубли берут, скажем так, неохотно.

— Ну уж о том, что пишете вы не ради гонорара, догадаться несложно. Наверное, появиться здесь, в России, вернуться к своему читателю важно для любого русского литератора?

Генис. Теперь-то уж вообще нет таких понятий, как «там» и «здесь». У нас есть друзья в Америке, есть друзья в России, есть просто текст, который существует в общем пространстве, где говорят по-русски.

— И для вас несущественно, для кого вы пишете, — для читателя «Литературной газеты» или «Синтаксиса»?

Вайль. Абсолютно! Это те же самые лю-

МОЖНО

ди, просто одних чуть больше, а других чуть меньше.

Генис. Если книжки не нужны тому, кто их пишет, они не нужны никому. Поэтому разговор о том, сколько у автора читателей, не имеет никакого смысла. В конечном итоге стоящих читателей все равно три-четыре человека. Тот же Довлатов — он хотел увидеть свою книжку, ее появление было для него подарком судьбы. А уж десятый вопрос — прочтут ли ее.

Вайль. Здесь Довлатов дорожил пятнадцатю питерскими друзьями, там — пятнадцатю американскими друзьями. И главный судья для него был — как здесь, так и в Нью-Йорке — Иосиф Бродский.

— А социальный статус? Престиж? Насколько они применимы сегодня к тому, чем вы занимаетесь?

Генис. В Америке? Когда случайному человеку признаешься в том, что ты русский литератор, то в ответ тебе — сочувственный взгляд, похлопывание по плечу: ничего, ничего, вы молоды, у вас все впереди, вы еще сможете стать программистом. Вот вам разница!

Вайль. Вы не входите вальяжно в мягкой кожаной куртке в ЦДЛ, не садитесь за столик... Нет, ничего подобного! Утром идете на службу.

— Вы это очень тяжело переживали?

Генис. Мы здесь не знали ничего такого, ни кожаных курток, ни ЦДЛ. У нас не было потери социального статуса.

— Но разочарования в Америке были?

Генис. Конечно. Ведь мы приезжаем в Америку, твердо зная, что там будет все наоборот. У нас с сахаром проблемы, а там сахара много. И мы просто берем и переставляем плюс на минус, минус на плюс...

Вайль. То есть иногда совпадает — там действительно сахара много. Но потом выясняется, что сахар не едят, потому что он приторный.

Генис. Приехав в Америку, я устроился работать грузчиком. Через месяц меня выгнали, причем справедливо — за бездарность и лень. И я помню первую ночь, когда не мог заснуть, — я не знал, что делать дальше! Всего месяц в Америке, жена беременна... Очень страшно, когда не знаешь, что делать завтра.

Все эти годы мы пытались построить благосостояние, получать деньги за нашу